

**Дети,
обученные убивать**

(Перевод С. П. Ивашкина)

Дейв Гроссман (Dave Grossman), подполковник десантно-диверсионного разведывательного подразделения армии США, профессор психологии и военных наук Американской Академии (Pediatrics Task Force) Вест Пойнта. Уволился в запас из армии США в феврале 1998 года. В настоящее время руководитель исследовательской группы килологов в Джонсборо (Jonesboro), Арканзас. Автор ряда книг о психологии убийства.

Тренажёр убийц

Четырнадцатилетний Михаэль Карнил, убийца, расстрелявший сверстников в своей школе в Падуке (Paducach), штат Кентукки, никогда до этого не стрелял из пистолета. Украд у соседа пистолет 22 калибра, он сделал несколько пробных выстрелов и взял его с собой в школу...

Данные ФБР показывают, что тренированные офицеры силовых структур в реальных условиях попадают в цель с дистанции семи метров в 20 процентах случаев. В 1998 году в Амаду Диало четыре офицера нью-йоркского полицейского департамента (NYPD) произвели 41 выстрел в безоружного африканского иммигранта. 19 выстрелов попали в цель. Такова точность стрельбы в реальных условиях специально подготовленных стрелков. В 1999 году в Лос-Анжелесе неонацист семьюдесятью выстрелами ранил в еврейском центре пятерых беспомощных детей. Такова естественная точность попадания для стрелка неподготовленного.

Михаэль Карнил произвел восемь выстрелов в большом школьном фойе. Дети разбежалась в разные стороны. Стреляя в смешавшихся, бегающих, кричащих школьников, он поразил восемью выстрелами восемь человек: пятерых - в голову, троих - в верхнюю часть тела.

Я готовил техасских рейнджеров, калифорнийский дорожный патруль, пехотинцев корпуса зелёных беретов армии США. Когда я рассказал им о меткости Карнила, они были ошеломлены. Ни в каких анналах военной истории и истории силовых структур я не нашёл подобного «достижения».

Где четырнадцатилетний подросток, никогда не бравший ранее оружия в руки, получил такие навыки? В видеоиграх. Мальчик из обеспеченной семьи имел доступ к целой галерее всевозможных видеоигр со стрельбой.

Сотни причин могут толкнуть кого-либо ЗАХОТЕТЬ взять оружие и отправиться убивать. Но только одно делает его УМЕЮЩИМ убивать: практика, практика и ещё раз практика. Не практика стрельбы в мишень или в оленя, а практика стрельбы по людям.

Все свидетели утверждают, что Михаэль стоял абсолютно неподвижно, держа оружие двумя руками, не дёргая пистолет вверх, вниз, влево или вправо, методично ведя огонь с бессмысленным выражением лица. Он играл в видеоигру, просто расстреливая всё, что выпрыгивало на его «экран», как делал это бесчисленные ТЫСЯЧИ раз до этого. Следует отметить, что в «естественных» условиях не принято стрелять в цель единожды – стреляют, пока цель не упадёт. Только большинство видеоигр учит вас стрелять один раз, поскольку цель всегда падает с одного попадания. Многие игры дают экстра-кредит за... попадание в голову.

Наносит ли реальный вред демонстрация насилия в средствах массовой информации? Действительно ли опасны видеоигры? Могут ли они частично нести ответственность за упомянутые преступления?

Морская пехота США лицензировала видеоигру «Doom» для боевой подготовки своих пехотинцев. Армия США приспособила для своих нужд базу игры «Super Nintendo», лишь заменив пластиковый пистолет на пластиковую M-16 и немного модифицировав программу. Но в армии эту «игру» прямо так и называют – «Комплексный боевой тренажёр». Когда эти «игры» используют военные, это боевые тренажёры. Когда их используют дети, это тренажёры убийств. У нас есть тренажёры полётов, которые учат летать без прикосновения к реальному самолёту. И у нас есть тренажёры убийства, чья основная характеристика – учить детей совершать убийства.

Производители оружия не требуют, чтобы право граждан на владение оружием давало им также и право на его продажу детям. Индустрия оружия, табачная и алкогольная индустрии, индустрия порнографии – все принимают ограничения, когда дело касается продажи их продукции детям. А индустрия насилия говорит, что она имеет конституционное право учить детей сшибать людям головы и никто не может её остановить.

Производители насилия заявляют, что они ведомы рынком. «Если люди не будут покупать, то мы не будем производить». Это логика продавцов наркотиков. Это сутенёрская логика. За исключением того, что обычно и те, и другие не предоставляют рынка для маленьких детей. Владельцы общественных радио- и телеведущих компаний могли бы придерживаться более высоких стандартов, чем сутенёры и торговцы наркотиками. Как мы докатились до этого? Что происходит в мире?

Послание из Джонсборо

Я сам из Джонсборо, штат Арканзас. Я путешествую по миру, обучая медиков, военных и представителей силовых структур реалиям войны. Я пытаюсь сделать тех, кто несёт с собой силы смерти, остро осознающими величину ответственности за лишение жизни. Очень много блюстителей порядка и военных действуют подобно «ковбоям», не размышляя о том, кто они и что призваны делать. Я надеюсь дать им реальный контроль. Таков я, путешествующий по миру эксперт в области изучения убийства. И самая большая в истории массовая школьная бойня произошла в моём родном городе Джонсборо: смерть унесла со школьного двора четырёх школьниц и учителя; десять человек ранены; два мальчика в тюрьме, осуждённые за убийство.

Мой сын ходит в одну из городских школ, и в тот роковой день моя тётка позвонила из Флориды и спросила: «Это не в школе Джо?» Мы ответили, что ничего не слышали о случившемся. Моя тётка во Флориде узнала об этом раньше нас!

Мы включили телевизор, вполне уверенные, что всё произошло неподалёку, но, слава Богу, это не была школа Джо! Вероятно, не было ни одного родителя в тот вечер в Джонсборо, который бы перед сном не обнял ребёнка со словами: «Слава Богу! Это был не ты!» Было также большое чувство вины, поскольку многие родители не могли сказать того же.

Я провёл первые три дня в Вестсайдской средней школе, где произошло преступление, работая с адвокатами, учителями, учениками и родителями. Никто из нас не делал ничего подобного до этого. Я готовил людей реагировать на травмы на войне, но как делать это с детьми после бойни в их собственной школе?

В первый день мне пришлось готовить работавших там адвокатов и священников к взаимодействию с учителями и учениками. На следующий день мы опросили всех учителей. Затем священники и адвокаты в сотрудничестве с учителями работали с учащимися, помогая им проработать сквозь всё случившееся. Только люди, получившие

вместе душевную травму, могут дать друг другу истинные приятие и прощение, необходимые для осмысления того, *что* случилось, и затем они могут начать долгий процесс понимания, *почему* это произошло.

Вирус насилия

Чтобы понять причину, лежащую в основе случившегося в Джонсборо и Спрингфилде (Springfield), Пирле (Pearl) и Падуке, других проявлений «вируса насилия», мы должны сначала представить себе всю величину проблемы. С 1957 года по 1992 год, с той поры, как ФБР начало сохранять соответствующую информацию, количество убийств на душу населения удвоилось. Более полная картина проблемы, однако, проявляется в увеличившемся количестве попыток человеческих существ убивать себе подобных. Число аналогичных покушений выросло с 60 на 100 000 человек населения в 1957 году до 440 в середине последнего десятилетия. Как бы страшно это ни было, могло бы быть ещё хуже, если бы не два сдерживающих фактора.

Первый фактор - это увеличение сроков заключения за тяжкие преступления. С 1975 по 1992 год количество заключённых в Америке увеличилось вчетверо. Согласно данным криминолога Д. Диджулио, «множество анализов судебной практики... не оставляет сомнений в том, что увеличение сроков заключения предотвратило миллионы серьёзных преступлений». Если бы не огромные сроки заключения (самые большие среди развитых стран мира), показатели преступности и показатели количества убийств без сомнения были бы ещё выше.

Фактор второй. Показатели числа убийств были бы много выше, если бы не появились новые медицинские технологии. Согласно данным медицинского корпуса США, рана, от которой вы погибли бы в девяти случаях из десяти на Второй мировой войне, была бы излечена на войне во Вьетнаме также в девяти случаях из десяти. Что показывают данные этого консервативного корпуса? Что если бы мы имели сейчас тот же уровень медицинских технологий, что и в 1940 году, то упомянутые показатели числа убийств были бы в десять раз больше. Величина проблемы принижается развитием всевозможных изощёренных спасательных служб и техники, наподобие скорой вертолётной помощи, службы спасения 911, парамедицины, CPR, травматических центров.

Как бы то ни было, уровень преступности всё ещё феноменально высок. Это истинно не только для Америки, но и для всего мира. Согласно итогам, подведенным Канадским Центром правосудия, уровень преступности в стране увеличился с 1964 по 1993 год в пять раз, число покушений на убийство возросло в семь раз, а убийств – вдвое. Похожие тенденции отмечаются в материалах Интерпола и об уровне тяжких преступлений на душу населения между 1977 и 1993 годами. В течение этого времени уровень преступности увеличился почти в пять раз в Норвегии и Греции, число убийств в Норвегии утроилось, а в Греции удвоилось. В Австралии и Новой Зеландии уровень преступности повысился приблизительно вчетверо, а число убийств почти удвоилось. В течение того же периода уровень преступности утроился в Швеции и почти удвоился в Бельгии, Дании, Англии-Уэльсе, Франции, Венгрии, Голландии и Шотландии. Пока последние страны имеют сравнительно небольшой рост числа убийств. (Во всех этих случаях пропасть между числом убийств и числом попыток обусловлена фактором всесторонне улучшаемых медицинских технологий, спасающих многие жизни.)

Так вирус насилия проявляется во всём мире. Объяснением этому могут быть известные феномены нашей жизни. Их много и нам не следует принижать ни один из них, например, такой как распространённость оружия в нашем обществе. Хотя

увеличение числа проявлений насилия есть и в странах, где применяются драконовские законы, касающиеся пользования оружием. Мы ни в коем случае не должны приуменьшать такие известные факторы, как жестокое обращение с детьми, бедность, расизм и тысячи других. Но есть только одна *новая* переменная в жизни всех стран: насилие в СМИ, представленное как развлечение для детей.

Убийство противостоит природе

До ухода в отставку с военной службы я четверть века был военным психологом, обучающим и изучающим, как сделать убийство возможным для человека. Поверьте мне, мы в этом преуспели. Это не приходит естественным образом, вы должны быть научены убивать. И как армия позволяет убийство, так и мы делаем то же самое для наших детей, но уже безо всякой их защиты.

После убийства школьников в Джонсборо в город приехал глава Американской Академии в области детского насилия (Pediatrics Task Force). Его первое обращение было посвящено тому, что для детей убивать – *противостоит природе*. Но сейчас они этому *научены*. Они учатся этому, сталкиваясь с насилием и жестокостью дома и, что более распространено, видя насилие как развлечение на телевидении, в кино, в интерактивных видеоиграх.

Все мы знаем, что невозможно спорить или дискутировать с напуганным или разозлившимся человеком. Когда вы находитесь в таком состоянии, у вас происходит сужение кровеносных сосудов в лобной доле мозга и она прекращает свою работу. А ведь это именно та часть серого вещества, которая делает вас человеческим существом. Эта лобная доля мозга делает вас отличным от вашей собаки. Когда эти нейроны перестают работать, средняя часть мозга и ваши мыслительные процессы, рефлексы неотличимы от собачьих. Если вы когда-нибудь работали с животными, у вас есть понимание, что происходит с испуганным человеческим существом на поле боя. Поле боя и сфера тяжких преступлений - область ответственности средней части мозга.

Вместе с ней Бог дал нам и могучее сопротивление убийству себе подобных. Все виды животных, за некоторыми исключениями, не убивают своих собратьев в территориальных и брачных баталиях. Когда дерутся животные, обладающие рогами, они бодают друг друга самым страшным образом. Но когда они вступают в борьбу с представителями других видов, они помимо бодания принимаются рвать противника зубами. Пирании обращают свои зубы против всех и вся, но между собой дерутся ударами хвоста. Гремучие змеи кусают всех и каждого, но друг с другом они просто борются. Каждый вид имеет инстинктивную защиту от убийства своих сородичей.

Когда мы, человеческие существа, охвачены злостью или страхом, мы подпадаем под действие средней части мозга, которая в целом удерживает нас от убийства. Каждое человеческое существо, за исключением социопатов – которые определённо не имеют этой защиты, – имеет врождённый иммунитет к совершению насилия.

Мы можем наблюдать в истории человечества, что в войнах меж людьми присутствовало много обыкновенного позёрства. Противники производили столько шума, сколько возможно, чтобы вдохновить себя и запугать противника. Военная история – это история отступлений и пленений. Античные битвы были не более чем грандиозные шоу. Подавляющее число жертв приходилось не на саму битву, а на тот момент, когда одна сторона поворачивалась и бежала. Большинство отступающих было убито ударами в спину. Все античные военные историки пишут, что в основном убийства происходили во время преследования, когда противник уже отступал.

Мы знаем из более близкой нам истории, что на полях сражений Гражданской войны количество раненых и убитых из огнестрельного оружия было поразительно мало. Патти Гриффиз (Patty Griffth) показывает, что потенциально на Гражданской войне полк мог поразить от 500 до 1000 человек в минуту. Реальный уровень погибших - один-два человека в минуту на один полк. (The Battle Tactics of the American Civil War.) После битвы при Геттисбурге (Gettysburg) среди убитых и умирающих было собрано 27 000 ружей, 90 процентов которых были заряжены. Это выглядит очень странно, поскольку 95 процентов времени у стрелков уходит на зарядание и только 5 – на стрельбу. Но что ещё более удивительно, чем тысячи заряженных ружей, это то, что более половины из них имели по несколько зарядов в стволах.

Реальность такова: обыкновенно человек заряжал ружьё и нёс его на плече. Но в необходимый момент он не мог заставить себя убивать. Он был смел, он стоял плечом к плечу с другими солдатами, он делал то, чему был выучен, но он не мог заставить себя нажать на спусковой крючок и, опустив ружьё на землю, заряжал его снова. В одном стволе было 23 заряда. Среди тех, кто стрелял, был крошечный процент метивших в цель. Большинство стреляло поверх голов противника.

В течение Второй мировой войны бригадный генерал С. Маршалл имел группу исследователей, изучавших деятельность солдат в бою. Маршалл породил революционную идею – впервые в истории каждого солдата спрашивали о его действиях во время боя. Было обнаружено, что только 15 – 20 процентов солдат могли заставить себя стрелять в появившегося перед ними противника. Так было всегда, происходили ли боевые действия день, два или три.

Это реальность поля битвы. Только небольшое количество солдат может и хочет в этом участвовать. Люди хотят умирать, они готовы пожертвовать своей жизнью ради своей страны, но они не хотят убивать. Это феномен человеческой природы. Но когда военные узнают об этом, они начинают решать эту «проблему». С точки зрения военных, эти 15 процентов реальных стрелков уподоблены 15 процентам библиотекарей, работающих с книгами. И, заметив это, они действуют. В Корейской войне уже 55 процентов солдат вели огонь на поражение; во Вьетнаме этот уровень поднялся до 90 процентов.

Методы этого сумасшествия

Как военные повышают «убойность» своих солдат, так и нынешняя культура поступает с детьми, но без соответствующего предохранения. Методы, используемые военными, это снижение чувствительности, развитие классического условного рефлекса (classical conditioning), выработка рефлексов реакций на определённые действия (operant conditioning), ролевое моделирование. Я разъясню это в военном контексте и покажу те же самые факторы, действующие в феномене роста насилия в нашей культуре.

Снижение чувствительности

Снижение чувствительности и брутализация (ожесточение) происходят в лагере новобранцев. С того момента, как вы вышли из автобуса, вы находитесь в состоянии физически и словесно наказуемого. Бесчисленные наряды и бесконечные часы подготовки или бега с тяжёлым снаряжением под командованием покрикивающих на вас тщательно тренированных профессионалов. Ваша голова побрита, вы согнаны в стадо, одеты в одинаковую одежду, потеряли все признаки индивидуальности. Эта брутолизация разработана для разрушения существовавших у вас прежде норм и

правил. Она принуждает принять новую установку ценностей, объединяющую в себе разрушение, насилие и смерть как образ жизни. В конце концов, вы теряете чувствительность к насилию и принимаете его за нормальный, крайне необходимый навык выживания в вашем новом жестоком мире.

Нечто очень похожее на такое снижение чувствительности относительно насилия происходит с нашими детьми, встречающимися с насилием в СМИ. Но помимо восемнадцатилетних с этим встречаются и восемнадцатимесячные, когда ребёнок впервые становится способным различать, что происходит на экране телевизора. В этом возрасте дети уже могут видеть то, что показывается на экране и подражать этому. И это касается не с шести-семилетних детей, чей мозг может разбирать, откуда поступает информация. В силу своего физического и физиологического развития, они не могут находить разницу между фантазией и реальностью.

Это означает что, когда ребёнок видит по телевизору стрельбу, изнасилование, избиение, деградацию, убийство, для него это реально происходит. Позволять ребёнку трёх, четырёх, пяти лет смотреть фильм, в котором он в течение первых 90 минут привыкает к герою фильма, испытывает к нему положительные эмоции, а потом, в последние 30 минут, беспомощно наблюдает, как его нового друга выслеживают и жестоко убивают, – все это морально и психологически эквивалентно тому, что вы познакомите своего ребёнка с новым товарищем, позволите ему играть с ним, а затем его прирежете, здесь же, в вашей гостиной, на глазах у вашего ребёнка. В жизни наших детей это происходит сотни и сотни раз.

Уверен, кто-то скажет: «Эй, это была шутка, мы только посмеялись. Посмотри, это не по-настоящему, это всего лишь телевидение». И эти люди могут, покачивая головами говорить, что всё в порядке, но реальность свидетельствует о другом. Можете вы вспомнить такие моменты в вашем детстве или во взрослой жизни, когда ваши мечты, действительность, телевизионные образы были спутаны в один клубок? Это как раз и напечалит вам уровень развития детского восприятия.

Вот что делают СМИ для детей.

Журнал Американской медицинской ассоциации (The Journal of American Medical Association) опубликовал исследования о влиянии телевизионного насилия. Они показывают, что происходит с населением одной области, после того, как у них появляется телевидение в сравнении с жителями другой, где телевидения нет. Демографически, этнически, экономически и культурно обитатели этих областей идентичны: есть только одна разница – наличие телевидения. В каждом отдельном случае с появлением телевидения в стране или области на игровых площадках распространяется насилие и через пятнадцать лет удваивается количество убийств. Почему через 15 лет? Столько нужно для того, чтобы 3-5-летние дети, встретившиеся с жестокостью и насилием на телевидении, достигли своего «первого преступного возраста». Столько нужно, чтобы вы пожали посеянное в трёхлетках.

В настоящее время данные о влиянии показа жестокости в СМИ на распространение жестокости в обществе превышают подобные показатели о табакокурении и употреблении спиртных напитков. У нас есть сотни широко известных исследований, показывающих влияние на общество жестокости на телевизионном экране. Журнал Американской медицинской ассоциации, возможно один из самых престижных в мире медицинских журналов, в номере от 10 июня 1992 года отмечает: «Определённо, появление телевидения в пятидесятых стало причиной последующего удвоения числа убийств, то есть долговременная обработка детей телевидением –

причинный фактор приблизительно половины убийств, имевших место в США, или приблизительно 10 000 убийств ежегодно».

Статья приходит к заключению, что «...если гипотетически предположить, что телевизионная технология никогда не была бы открыта, то тогда в Соединённых Штатах ежегодно было бы меньше на 10 000 убийств, на 70 000 изнасилований и на 700 000 оскорблений действием».

Выработка условного рефлекса

Приобретённый условный рефлекс - это разновидность условных рефлексов, выработанных у собаки Павлова. Помните, как собака Павлова научилась соотносить одно с другим: звон колокольчика и пищу? С этого момента собака не могла слышать колокольчик без слюноотделения.

Японцы были мастерами выработки приобретённого условного рефлекса у своих солдат. В начале Второй мировой войны у них была такая практика. Китайских заключённых ставили в траншею на колени со связанными позади руками. Молодые, не видевшие крови японские солдаты должны были штыком убить каждый своего заключённого. Это жестокий, ужасный способ лишения жизни человеческого существа. Наверху, на скамейке, располагался офицер, который расстрелял бы солдата, если бы тот не убил заключённого. Там же, на скамейке, сидели и друзья солдата, готовые приветствовать его жестокость. После выполнения задания у солдат был вкусный обед, какой они не имели месяцами, саке и «comfort girls». Результат? Они приучались соотносить акт совершения насилия с получаемым удовольствием.

Столь морально осуждаемая технология имеет не много примеров в подготовке солдат в современной армии США, но есть совершенно ясные случаи применения этой технологии СМИ в отношении наших детей. То, что происходит с нашими детьми у экранов телевизоров, может проиллюстрировать фильм «Заводной апельсин». Но с точностью до наоборот. В «Заводном апельсине» жестокого социопата, серийного убийцу привязывают к стулу и принуждают к просмотру фильмов с демонстрацией насилия. Ему вводят лекарство, вызывающее рвоту. Лишённый подвижности, он смотрит кинокартины и его постоянно рвёт. После сотен повторений он начинает ассоциировать насилие с рвотой, и это ограничивает его возможность совершать насилие.

А мы поступаем прямо противоположно этому. Наши дети лицезрят картины человеческого страдания и смерти. С чем они у них ассоциируются? С их любимыми напитками, сладостями и парфюмерным ароматом подружек.

После событий в Джонсборо одна из учительниц старших классов рассказала мне о реакции старшеклассников, когда она рассказывала им о том, что один ученик средних классов расстрелял своих младших родных и двоюродных братьев и сестёр. «Они смеялись, - сказала она мне с тревогой, - они смеялись». Похожая реакция бывает, когда на экранах кинотеатров показывают кровавое насилие. Молодые люди смеются и приветствуют события, продолжая хрустеть попкорном и запивая его прохладительными напитками. Мы взрастили поколение варваров, наученных ассоциировать насилие с удовольствием, подобно римлянам, приветствовавшим в Колизее вырезавших друг друга христиан-гладиаторов и поглощавшим принесённые с собой закуски.

Результатом этого является феномен, функционирующий как СПИД (AIDS) и названный СПИДН (Acquired Violence Immune Deficiency Syndrome) – синдром

приобретённого иммунодефицита к насилию. СПИД никого никогда не убивает. Он разрушает вашу иммунную систему, и тогда болезни, не смертельные для других для вас становятся роковыми.

Телевизионное насилие само по себе никого не убивает. Оно разрушает вашу иммунную систему против насилия и делает вас способными получать удовольствие от насилия.

Убийство другого человеческого существа может произойти только после преодоления двух фильтров. Первый фильтр – это передний мозг. Тысячи причин могут спровоцировать ваш передний мозг к убийству: расизм, политика, религия, голод, жадность, ненависть. И однажды наступает такой момент, когда вы готовы нажать на спусковой крючок, но сталкиваетесь с сопротивлением средней части мозга. СПИДН преодолевает это сопротивление и позволяет вам убивать.

Выработка рефлексов на определённые действия

Третий метод, используемый военными, – это выработка рефлексов на определённые действия: стимул – реакция, стимул – реакция. Хороший образец подобной выработки рефлексов – тренажёр для лётчиков. Пилот сидит за тренажёром бесконечное количество времени. Когда на экране возникает опасная ситуация, он учится реагировать нужным образом. Для другой ситуации необходима и другая реакция. Стимул – реакция, стимул – реакция, стимул – реакция. И вот он управляет реальным гигантским авиалайнером, самолёт идёт вниз, и триста пассажиров позади него начинают истошно кричать. Его кресло намокает от пота, он теряет разум от страха... но исполняет он всё правильно. Почему? Потому что у него выработана реакция на действия в этой кризисной ситуации.

Когда люди испуганы или в гневе, они делают то, к чему приучены. Приучены на уровне условного рефлекса. Мы проводим это с детьми занятия о том, как правильно вести себя во время пожара. Когда срабатывает пожарная сигнализация, дети покидают школу в определённом порядке, согласно отработанным навыкам. Однажды может возникнуть реальный пожар, но и тогда по-настоящему испуганные дети сделают точно то, к чему они были приучены, и это спасёт им жизнь.

В сообществе военных и силовых структур убийство является одним из условных рефлексов. Это существенно повышает количество убитых на современном поле боя. На учебных стрельбах времён Второй мировой войны использовали круглую мишень – бычий глаз. Сейчас солдаты учатся стрелять по появляющимся в поле их зрения мишеням, размером и силуэтом повторяющим реальных людей. Этот силуэт становится условным раздражителем. У стрелка есть доли секунды, чтобы поразить цель. Условный рефлекс – выстрелить в цель, и она упадёт. Стимул – реакция, стимул – реакция, стимул – реакция. Солдаты и полицейские сотни раз переживают это на тренировках. Позже, когда они будут находиться на поле боя или патрулировать свой участок, они без раздумий откроют огонь на поражение по тому, кто появится перед ними с оружием в руках. Мы знаем, что от 75 до 80 процентов попаданий на современном поле боя – это результат выработки упомянутого условного рефлекса.

Теперь, если вы уяснили себе описанную ситуацию с военными и полицейскими, вы можете понять, на сколько больше мы должны быть обеспокоены тем фактом, что наши дети в интерактивных играх приобретают те же самые двигательные навыки.

В Южной Каролине я был судебным экспертом на суде над мальчиком, которому грозила смертная казнь за убийство. Мы пытались объяснить суду, что этого ребёнка

научили стрелять и убивать интерактивные видеоигры. Он вложил сотни долларов в игры, обучающие целиться и стрелять, целиться и стрелять. И в один далеко не прекрасный день, он и его дружок решили, что было бы весело ограбить сельский торговый центр на перекрёстке. Они вошли в магазин, и мальчик направил пистолет 38 калибра в затылок продавцу. Продавец повернул голову к мальчикам, и мой подзащитный рефлексивно выстрелил с расстояния около двух метров. Отец двух детей погиб. Пуля попала ему прямо между глаз, что является замечательным результатом для такого вида оружия. Мы спрашивали мальчика, что случилось, почему он это сделал. Абсолютно ясно, что в его планы не входило убивать человека – это было видно на видеозаписях, сделанных с шести разных направлений. Он сказал: «Я не знаю, это была ошибка, этого не должно было случиться».

Когда этот молодой человек вошёл в магазин, естественно, он был возбуждён, его пульс участился, в результате этого лобная часть мозга отключилась, и он сделал то, к чему был приучен: он рефлексивно нажал на спусковой крючок, стреляя точно – как в видеоигре. Этот процесс: стимул – реакция – очень могуществен и пугающ. Его результат – рост числа замороженных псевдосоциопатов, которые убивают рефлексивно, без каких-либо угрызений совести. Наши дети учатся убивать и получать от этого удовольствие, а мы после этого имеем наглость спросить себя с недоумением: «Боже мой, что мы сделали неправильно?»

Один из мальчиков, ставший участником трагедии в Джонсборо, имел некоторый опыт стрельбы из реального оружия. Другой не был стрелком и, как нам доподлинно известно, никогда не стрелял ни из ружья, ни из пистолета – ни из чего. Между тем, эти двое поразили 27-ю выстрелами с расстояния около 90 метров 15 человек. Это просто потрясающий результат.

Мы подробно рассмотрели сложившуюся ситуацию: дети, никогда в своей жизни не державшие в руках оружие, вдруг его берут и пользуются им с поразительной точностью и эффективностью. Почему? Потому что есть видеоигры.

Ролевое моделирование

В армии вы немедленно сталкиваетесь с ролевой моделью: это ваш сержант. Он олицетворяет собой жестокость и агрессию. Наряду с военными героями, этот сорт ролевых моделей жестокости всегда используют для влияния на юные, впечатлительные души.

Сегодня наших детей обеспечивают ролевыми моделями средства массовой информации. Действия малолетних преступников в Джонсборо несут в себе элемент подражания тому, что часто показывают по ТВ. Этот аспект подростковых преступлений телевидение предпочитает замалчивать.

Исследования семидесятых выявили эффект «групповых самоубийств», когда репортажи местных ТВ были всегда напрямую связаны с причиной ряда подражательных самоубийств впечатлительных подростков. При отсутствии достаточного внимания, понимания и любви со стороны взрослых, находясь в состоянии аффекта и обиды, некоторые дети, имея подсказку телевидения, могут решиться на самоубийство. Тогда они скажут себе: «Вы меня не любите, хорошо, я вам покажу, какой я! Вы увидите меня по телевизору! Я знаю, как это сделать!» В результате этих исследований с экранов пропали репортажи о самоубийствах подростков. Но когда по ТВ показывают убийц-подростков, эффект тот же. Где-то найдётся потенциально

склонный к насилию мальчик, который скажет себе: «Вы меня не любите, хорошо, я вам покажу, какой я! Вы увидите меня по телевизору! Я знаю, как это сделать!»

Таким же образом мы получаем эффект подражательных групповых убийств, образцы которых, словно вирус, распространяются шестичасовыми местными новостями по Америке. Неважно, чем человек занимается. Если вы покажете его по телевизору, вы сделаете его знаменитым и найдутся люди, которые захотят ему подражать, с ним соперничать.

Образцом для подражания для джонсборского преступления могло быть преступление в Пирле, Миссисипи, произошедшее шестью месяцами раньше.

В Пирле (Pearl), 16-летний мальчик убил свою мать, потом пришёл в школу и расстрелял девять школьников, двое из них погибли, в том числе его бывшая подруга. Двумя месяцами позже вирус дошёл до Падуки, Кентукки, где 14-летний мальчик убил трёх и ранил пятерых школьников.

Очень важный шаг в распространении вируса подражательных преступлений был сделан в Стампсе (Stamps), Арканзас, 15 дней после Пирла и чуть более чем за 90 дней до Джонсборо. 14-летний мальчик, рассердившийся на своих школьных товарищей, спрятался в лесу и расстрелял их, когда они возвращались из школы. Звучит знакомо? Только двое были замешаны в этом преступлении, и так много людей в мире ничего об этом не слышали. Но позже это преступление было широко освещено телевидением и два мальчика из Джонсборо слышали об этом.

Потом был Спрингфилд (Springfield), Орегона, и так много других мест. Кто следующий? Подходящая ли это цена, чтобы платить ею за «право» телевидения превращать юных преступников в знаменитостей, в ролевые модели, демонстрируя их на экранах телевизоров?

Жизненно важно, чтобы наше общество знало об этих преступлениях, но, когда зрительные образы молодых убийц появляются в СМИ, они тотчас же становятся ролевыми моделями. Среднестатистический дошкольник в США смотрит телевизор 27 часов в неделю. Среднестатистический ребёнок остаётся один на один с телевидением дольше, чем с родителями и учителями вместе взятыми. Предельное достижение для наших детей – быть показанными по телевидению. Из литературы, посвященной проблеме самоубийств, следует простое решение проблемы: СМИ имеют право и ответственность рассказывать о самоубийствах, но у них нет права прославлять убийц, показывая их по телевизору.

Отучение от насилия

Итак, где же дорога домой из того тёмного и пустынного места, где мы с вами побывали? Один путь касается гражданских свобод. Город Нью-Йорк достиг заметного прогресса в снижении уровня преступности, но лишь за счёт гражданских свобод. Люди боятся сказать, что они хотят платить такую цену.

Другой путь, который мы могли бы обсудить, это «только нажми кнопку «выкл.»». Если вам не нравится то, что показывают по телевизору, вы можете решить проблему, просто нажав кнопку «выкл.». Родитель одной из 15 жертв в Джонсборо старался защитить своих детей от жестокостей экрана, но в одиночку. Его усилия не помогли. Потому что рядом оказались два мальчика, чьи родители не нажали кнопку «выкл.»

В ночь трагедии в Джонсборо священники и адвокаты работали в приёмной больницы, утешая родственников и друзей пострадавших. Вдруг они обратили

внимание на женщину, одиноко сидевшую в полном молчании. Адвокат подошёл к ней и узнал, что это она мама одной из убитых девочек. У неё не было друзей, мужа, семьи. Она сидела в больнице, одинокая, раздавленная своей потерей. «Я пришла узнать, как мне получить тело моей девочки». Сказав это, она тут же продолжила: «Я даже не знаю, как я смогу оплатить похороны». Но тело было отвезено для экспертизы в Литлрок за 100 миль от той больницы. Погибшая девочка была поистине всем, что она имела в этом мире. Ещё один путь ограничения насилия – контроль за продажей, хранением и использованием огнестрельного оружия. Я не хочу преуменьшать эту возможность, но хочу дать вам понять, что американцы попадают в заколдованный круг, когда начинают говорить на эту тему. У американцев глубоко в менталитете заложены недоверие к правительству и надежда на свои собственные силы – каждый должен отвечать за себя и за свою семью. Это одна из наших чрезвычайно положительных черт и в то же время огромная слабость. В обстановке, когда телевидение, кинематограф и СМИ постоянно эксплуатируют тему страха и насилия, американцы говорят: «Мне нужно оружие, чтобы я мог противостоять насилию», и они вооружаются. Больше оружия среди населения, больше насилия. Больше насилия, больше искушения вооружаться.

Мы втянуты в эту спираль личной независимости и недостатка доверия. Пока мы не перестанем бояться, мы не достигнем реального прогресса в этой области. Как историк, я могу вам сказать, что пройдут десятилетия или, может быть, все сто лет, прежде чем мы сможем разжать руки американцев, крепко сжатые на рукоятках пистолетов. Первый шаг в этом направлении – это снижение уровня страха среди населения. До той поры, пока этого не произойдёт, американцы скорее умрут, чем расстанутся со своим оружием.

Сопротивление

Мы нуждаемся в прогрессе в сфере борьбы против жестокого обращения с детьми, против расизма, против нищеты, за восстановление роли семьи. Никто не отрицает, что разрушение семей является фактором роста преступности. Но преступность растёт и в странах, где нет такого количества разводов, как у нас. Исследования показывают, что проблемы, корни которых мы обычно ищем в неполной семье, имеют место быть, когда роль няни и второго родителя в семье играет телевизор. Работать нужно во всех этих сферах, но есть ещё один фронт – переговоры с производителями телевизионного, компьютерного и кинематографического насилия. Проще говоря, нам следует работать над тем, чтобы вынести за рамки закона видеоигры, обучающие детей насилию. Не существует конституционного права для детей играть в видеоигры, которые тренируют навыки убийства и разрушения творений, созданных Богом.

Грядёт день, когда СМИ предстанут перед судом, который будет им противостоять на том уровне, на каком они только и могут воспринимать – на уровне кошельков. Мы близки к тому, чтобы по отношению к средствам массовой информации поступить так, как поступили с табачной индустрией. На обложке журнала «Тайм» 6 апреля 1998 года в материале, посвященном джонсборской трагедии и вынесенном на обложку, напечатано: «Дебаты о насилии в средствах массовой информации скоро придут к той же точке, что и дебаты о влиянии курения на здоровье – это будет преодолено. Очень мало исследований продолжают дискутировать на тему, что кровопролитие на телеэкране и в кино оказывает влияние на детей, становящихся его свидетелями».

Больше всего американцы нуждаются в информации о том, что происходит. «Вы узнаете истину, и истина сделает вас свободными», – сказал Иисус. Сейчас истиной, которую люди должны познать, является послание, которое я хотел бы передать из Джонсборо: «Насилие убивает. Насилие не игра. Это не смешно. Это не что-то, что мы можем делать для развлечения».

Каждый родитель в США отчаянно нуждается в том, чтобы его дети были защищены от влияния насилия по телевидению и в СМИ в такой же мере, как если бы мы защищали их от рака. Национальное телевидение подвергает обструкции проблему, являющуюся ключевой для общественного воспитания в Америке. Телевидение, которое у нас же самих получило лицензию на свою деятельность и использование общедоступных каналов.

В дни джонсборской трагедии мне пришлось давать интервью Канадскому национальному телевидению, ВВС, многим американским и международным радиопрограммам и газетам, но именно американское телевидение просто не трогало вопроса о связи телевидения и насилия. Никогда в своей жизни, ни как историк, ни как психолог, я не встречал в США института, столь явно ответственного за многие убийства и столь же явно злоупотребляющего данной обществом властью для сокрытия своей вины. Время от времени молодые, идеалистически настроенные продюсеры телепрограмм обращались ко мне, зачарованные иронией судьбы – эксперт в области насилия и агрессии жил прямо здесь, в Джонсборо, и был в школе почти что с самого начала трагедии. В отличие от других, эти телевизионные сюжеты всегда умирали неожиданной тихой смертью по приговору телевизионного начальства: «Да, да, нам нужны эти сюжеты... так же как дырка в голове».

Много раз с момента той трагедии меня спрашивали: «Почему вы не рассказываете на телевидении о том, о чём пишете в своих книгах?» И каждый раз я вынужден отвечать, что на телевидении хоронят подобные истории. Там знают свою вину и хотят отсрочить неизбежное возмездие настолько, насколько смогут.

Люди здесь, в арканзасском Джонсборо, заметили, что телевизионщики кишат кругом подобно саранче – второму из числа библейских наказаний. У телевидения руки в крови, но оно не хочет этого признавать. Как автор книг и эксперт в области изучения убийств, я выступил на эту тему во всех клубах Ротари, Киванис, Лиона – всех городов в радиусе 50 миль от Джонсборо. Когда нашествие журналистов – это наказание, сопутствующее несчастью, – обрушилось на нас подобно полчищам саранчи, многие люди здесь были знакомы с научными данными, касающимися насилия в программах телевидения, но... На телевидении это не прозвучало.

Телевизионщики установят свои камеры где угодно и мужественно выставят напоказ всё, что возможно. Они подобны мухам, кружащимся над открытой раной, нет ничего личного или постыдного для их изучающих объективов – кроме самих себя и своей вины за то страшное трагическое преступление, которое здесь случилось.

Один администратор CBS рассказал мне план спасения своего собственного ребёнка от той отравы, которую несёт детям Америки его же индустрия. Он знает всё о связи между СМИ и насилием. Он не собирается разрешать своей дочери смотреть телевизор ни в каком виде, ни в какой форме до той поры, пока она не станет достаточно взрослой и не научится читать. Потом он будет тщательно отбирать, что ей можно смотреть. Он и его жена планируют послать ребёнка в детский сад, где нет телевидения и, в конце концов, они будут позволять ей смотреть видео, подходящее ей

по возрасту. Это последнее должно стать вашим минимумом для детей и внуков: показывать им только «возрастосообразное». Это очень эффективный план.

Наиболее безвредный продукт вы можете получить от телевидения в виде комедий или мультфильмов, дающих истинное удовлетворение всех жизненных проблем, а также от связанных с коммерческой рекламой передач, сообщающих о том, что с вами случится, если вы не съедите правильный сахар или не обуеете правильные туфли.

Наихудший продукт, который получит от продукции телевидения ваш ребёнок, представлен словами одной телеведущей, сказавшей мне: «Да бросьте вы, мы имеем только одну передачу, в которой есть реальное насилие – это NYPD, я признаю, что это плохо, но ведь она выходит только раз в неделю». Тогда я задался вопросом, как бы она себя чувствовала, если бы кто-нибудь ей сказал: «Да бросьте вы, я бью жену на глазах у детей всего лишь раз в неделю». Эффект тот же.

«Предполагается, что вы не знаете, кто я!» - сказала звезда NYPD Ким Делани (Kim Delaney) в ответ на то, что её узнали дети по роли в этой передаче. Как прозвучало в «USA weekend», она была потрясена, что несовершеннолетние дети смотрят её шоу, в котором присутствуют ужасающие преступления, жаргон и откровенные сексуальные сцены. Но ведь дети их смотрят, не правда ли?

Просветительская работа на тему взаимоотношений средств массовой информации и насилия действует. Я был на ток-шоу в Сан-Антонио, Арканзас. Женщина позвонила и сказала: «У меня ни за что не хватило бы смелости сделать это два года назад, но я получила некоторое образование, о котором вы говорите сейчас, позвольте мне рассказать, что случилось. А вы мне скажете, была ли я права». Она была права.

Она рассказала: «Мой тринадцатилетний мальчик провел вечер с соседским ребёнком. После этого у него начались кошмары. Я попросила его рассказать, что его мучает. Когда он был у соседей, они весь вечер смотрели садистское кино: люди пилили людей цепной пилой и тому подобное.

Я позвонила соседям и сказала им: «Послушайте меня: вы больные люди, для меня нет разницы, показали вы моему сыну садистский фильм, порнографию или угостили бы его алкоголем. Я не собираюсь иметь ничего общего с вами, вашим сыном или с кем-либо ещё из вас, пока вы не прекратите то, что вы делаете».

Это сильно. Это то, что называется осуждение, но не цензура. Каждый из нас должен иметь соответствующие знания и моральное мужество встать и осудить людей, которые думают, что насилие, особенно на телевидении и в интерактивных видеоиграх, это законное развлечение.

Много чего могут сделать граждане, чтобы помочь стране выйти из этой ситуации. Молодёжным союзам и организациям под силу обеспечить альтернативное телевидение, церковь способна вести людей к решению проблемы альтернативного местопребывания для детей, оставляемых дома под замком. Группы поддержки должны осуществлять руководство и оказывать помощь молодым родителям в их стремлении воспитать детей без разрушительного воздействия средств массовой информации. Поддерживающие программы в состоянии соединить зрелых образованных мам с молодыми мамами, помочь им провести своих детей через дошкольный период без использования телевидения в роли сиделки.

И в заключении можно сделать вывод, что альтернативой смерти и разрушению должны послужить такие высокие человеческие качества, как добропорядочность, любовь, миролюбие.